

СОЦИОЛОГИЯ

О.В. Семенова

**ЭВОЛЮЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО САМОСОЗНАНИЯ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА**

Идея цивилизации на протяжении нескольких веков прошла различные этапы развития, ее смысл и содержание изменялись, причем радикально. В настоящее время данное понятие стало одним из ключевых в общественных науках, является объектом междисциплинарных исследований, применяется в дискуссиях по широкому спектру вопросов. Словосочетание «столкновение цивилизаций» (или «война цивилизаций») превратилось в часто употребляемое клише общественного сознания и, как нередко бывает в подобных ситуациях, приобретает различные смыслы, в том числе значительно различающиеся между собой.

В энциклопедических словарях при определении данного термина обычно приводят несколько дефиниций. Согласно им цивилизация (от лат. *civilis* – гражданский) это: 1) синоним культуры; 2) уровень, степень общественного развития, материальной и духовной культуры (античная цивилизация, современная цивилизация); 3) следующая за варварством степень культуры, которая постепенно приучает человека к плановым, упорядоченным совместным действиям с себе подобными, что создает важнейшую предпосылку культуры; 4) в некоторых теориях – эпоха деградации и упадка в противовес целостности, органичности культуры.

Отметим, что существуют и иные определения цивилизации. Данная актуальная идея постоянно эволюционирует и в процессе перехода человечества к информационной эпохе становится базисным понятием новых концепций. Некоторые из них будут рассмотрены в этой статье.

* * *

Зарождение цивилизационного самосознания относится к эпохе, названной К. Ясперсом «временем пророков» («осевым временем», VIII–III вв. до н.э.), и связано с разграничением античной культуры и морали от варварского мира, складыванием канвы линейной исторической схемы.

Формирование понятия «цивилизация» в современном смысле можно рассматривать с середины XVIII в., когда французские философы предложили бинарную схему противостояния «варварство-цивилизация», послужившую обоснованием экспансии европейской цивилизации.

В начале XIX в. на Западе генерируется так называемая этнографическая концепция цивилизации, в которой данное понятие распространяется на «семь народов», а не только на отдельные этносы.

Для того периода характерно рассмотрение цивилизации как синонима культуры. Этнограф-эволюционист Э.Б. Тайлор начинает книгу «Первобытная культура» (1871 г.) словами: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается из знания, верований, искусства, нравственности, за-

конов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком, как членом общества» (*Тайлор Э.Б.*, 1989. С. 18).

В конце XIX – первой половине XX в. рассматриваемая идея подвергается принципиальным изменениям, обусловленным критикой теорий линейной эволюции и формированием концепции «локальных цивилизаций». Среди исследователей, внесших наибольший вклад в развитие этих направлений, выделяются имена Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Д. Тойнби, П.А. Сорокина.

Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» (1869 г.) выдвинул и развил социологическую теорию обособленных культурно-исторических типов (цивилизаций), находящихся в непрерывной борьбе друг с другом и внешней средой и проходящих predetermined stages возмужания, дряхления и гибели. Ход истории он представлял как смену вытесняющих друг друга культурно-исторических типов.

О. Шпенглер в своем наиболее известном произведении «Закат Европы» (1918 г.) рассматривает культуры, образующие мировую историю, как организмы с ограниченной продолжительностью жизни, определяемой им приблизительно в полторы тысячи лет. Им высказано мнение, что западная культура, как в свое время греческая, вступила в стадию неотвратимой гибели. Шпенглер одним из первых выступил против линейной концепции истории. Он выделил восемь исторических культур высшего типа, ключевой характеристикой которых является индивидуальная неповторимость и изолированность. Таким образом, им отрицается единая общечеловеческая культура. По мнению О. Шпенглера, каждая культура проходит замкнутый цикл, на закате которого становится цивилизацией и гибнет. В основе данной концепции лежит противопоставление цивилизации (как совокупности исключительно технико-механического образования) культуре (как сфере органически-жизненного состояния).

А.Дж. Тойнби высказывал идею, что не существует никаких культурных первоародышей, культурный подъем является участием всех народов, но форма, в которой осуществляется это предназначение, бывает разной. По его мнению, ход истории культуры не укладывается ни в какие схемы: в любое время все возможно. Суть его концепции заключается в том, что цивилизации всегда являлись «ответом на вызов». Соответственно, классифицировались они по типам вызовов (вызов моря, пустыни, тропиков и т.д.) (*Тойнби А.Дж.*, 1991).

Особое место в развитии идеи цивилизации принадлежит интеграционной теории культуры П.А. Сорокина. Он рассматривал исторический процесс как циклическую смену трех основных типов культуры (чувственный, идеациональный, идеалистический), в основе которых находится интегрированная сфера ценностей, символов. В противовес «линейному наваждению XIX века» П.А. Сорокин сформулировал принцип предела в линейной тенденции изменения. Согласно ему, временно линейный тип развития отдельных социокультурных единиц в результате их постоянных внутренних изменений, а также под влиянием внешних сил приобретает нелинейный характер в масштабах глобального процесса социокультурного изменения.

П.А. Сорокин справедливо указал на тот факт, что «огромное число обществ и групп прошли в своем развитии не те этапы, которые описываются соответствующими «законами эволюции-прогресса», и в отличной от предписанной этими «законами» временной последовательности. Иные группы показали регресс от более поздних стадий к более ранним». Таким образом, к человечеству, подчи-

няющемуся так называемым универсальным тенденциям и законам линейного развития, на деле относится сравнительно небольшая группа людей. Все это опровергает универсальность «закона эволюции» (Сорокин П.А., 1996. С.372–392).

Формирование понятия «цивилизация» в современном виде происходит после Второй мировой войны, когда завершился отход от бинарной схемы противостояния «варварство-цивилизация». Основным содержанием изменений «цивилизационной парадигмы» представляется процесс перехода от категорического разделения культуры и цивилизации до признания определяющего влияния первой на вторую. Ф. Бродель в 1969 г. сформулировал окончательный тезис о том, что цивилизация определяется культурой, являясь собранием культурных характеристик и феноменов.

В конце 1980-х гг. Ф. Фукуяма заявил об окончании истории человечества как истории борьбы и движения, поскольку в мире всецело восторжествовали идеи либеральной демократии и культуры потребления, что якобы отразило «триумф Запада, западной идеи» (Фукуяма Ф., 1990). К настоящему времени стала очевидной ошибочность данной посылки, однако значимость гипотезы Ф. Фукуямы о «конце истории» и развернувшейся вокруг нее полемики заключается в том, что она отразила исчерпание господства европейского (западного) цивилизационного императива, признание объективного существования в современном мире множества цивилизаций, имеющих различные онтологические установки и векторы развития.

С 90-х гг. XX века можно говорить о доминировании цивилизационного подхода в политике, науке и иных сферах общественной жизни. Не будет преувеличением утверждение о смене парадигмы социального развития, происходящей под влиянием глобальных перемен в мире, в том числе об устранении биполярной системы баланса сил как стабилизирующего фактора, качественного возрастания рисков, порождаемых процессами глобализации, изменений в массовом сознании, среди которых выделяется усиление влияния этнической и конфессиональной принадлежности на процесс самоидентификации индивидуума. Рост межэтнической и межконфессиональной напряженности, сепаратистские процессы во многих государствах явились характерными приметами смены веков и становятся константными признаками новой эпохи.

Наиболее известным и дискутируемым отражением происходящих перемен явилась опубликованная в начале 1990-х гг. концепция С. Хантингтона, согласно которой в новом мире доминирующим фактором политики станет столкновение цивилизаций (Хантингтон С., 1994. С. 33–48). В данной теории представляется ключевым понятие конфликта идентичностей, отражающегося в столкновении символов, культурных ценностей, образов мира, социальных и политических практик. Конфликт цивилизаций трактуется как коллизия этнорелигиозных и этнокультурных сообществ, т.е. в основе лежит все та же борьба идентичностей. Ее движущей силой, по мнению С. Хантингтона, является пресыщение мира цивилизационным экспансионизмом Запада.

Концепция столкновения цивилизаций породила широкомасштабную и разноплановую полемику, отдельные аспекты которой отражают перспективы развития данной идеи.

В XXI в. процессы глобализации, усиление взаимозависимости и катастрофических рисков способствуют одновременно как формированию, развитию и укоренению универсальных ценностей, так и усилению цивилизационного самосознания, углублению различий ценностных установок, что отражается на формиро-

вании региональных сообществ, базирующихся на социокультурной основе. Идентичности усложняются, их детерминантами становятся этничность, гендер и регион. При этом следует учитывать динамичное и сущностное изменение базисных социальных институтов, касающееся государства как территориально-национально-экономического сочетания, а также не менее фундаментальных установлений семьи, традиций, работы (см.: *Гидденс Э.*, 2004).

Наиболее ярко дуалистические процессы развития контрадикции глобализации и цивилизационных социокультурных установок проявляются в комплексе противоречий и конфликтов, порожденных массовой миграцией последних десятилетий в промышленно развитые страны, значительно превышающей известные в истории переселения народов. Авторитетный специалист в данной отрасли С. Бенхабиб пишет, что «с конца 1970-х годов требования признать идентичность, основанную на гендерной, расовой, этнической принадлежности, а также на сексуальной ориентации, поколебали нейтральность либерального государства, а конфликты в сфере культуры, происходящие вокруг признания и подтверждения разнообразных претензий на идентичность, заняли центральное место в политике оппозиционных сил» (*Бенхабиб С.*, 2003. С. 31–32).

Данный тезис подтверждается многочисленными мультикультурными конфликтами, такими как «дело Салмана Рушди» в Великобритании, массовые погромы 2005 г. во Франции, многотысячные демонстрации нелегальных рабочих в 2006 г. в США и другими. Согласно оценкам многих специалистов, в их основе лежит социокультурный конфликт, стремление новых этнических групп внедрить свои религиозно-культурные установки в правовую и культурную среду стран либеральной демократии.

Представляется важным выделить ключевую тенденцию в политической практике ведущих стран Запада, обусловленную поиском ответа на социокультурные проблемы. Она заключается в отчетливом смещении баланса политических сил вправо, росте популярности крайне правых движений и лидеров, усилении национализма. При этом характерным моментом является то, что политические лидеры выражают озабоченность прежде всего в связи с отсутствием у иммигрантов политической лояльности, подразумевая под этим фактически отсутствие культурной идентичности. Таким образом, проблемы социального взаимодействия перекодируются в проблему культурной совместимости.

Объективная необходимость иммиграции для экономически развитых стран в современных исторических условиях очевидна. Столь же несомненна и конфликтность этого процесса, в том числе по причинам искусственного самоизоляции элит принимающих государств, затруднения социального восхождения для иммигрантов и их потомков, что порождает замкнутость и создает основу для углубления разногласий. Наличие крупных иммигрантских диаспор в развитых государствах становится катализатором эскалации существующих общественных проблем, а также привносит в них этноконфессиональную составляющую.

Наиболее сложные коллизии в процессах преобразования общества складываются вокруг социокультурных конфликтов. Суть проблемы заключается в том, что сфера культуры, будучи по определению наиболее инерционной (что обусловлено одной из ее основных функций как формы сохранения и трансляции социального опыта), неизбежно вступает в конфликт с модернизационными тенденциями общественного развития. В настоящее время динамика подобных изменений, обусловленных потребностями информационной эпохи и глобализации,

достигла беспрецедентных темпов, а во многих отраслях возрастает в геометрической прогрессии, приближаясь к экспоненте. Соответственно усиливается напряженность между традиционными и новыми ценностными установками, общественными институтами, социально-политическими практиками. Многочисленные и влиятельные группы в исторически ничтожные сроки утрачивают свой социальный статус, полностью дезориентируются.

Резкое углубление социокультурных конфликтов и возникновение новых коллизий сформировали новую модель социального и политического изменения, которую в соответствии с концепцией П. Штомпки (*Штомпка П.*, 2001) можно назвать «парадигмой травмы». Новая парадигма, расширяющая свое влияние в области гуманитарных и общественных наук, рассматривает процессы социального развития в контексте культурной среды, содержащей традиционные символы, устойчивые интерпретации изменений реальности. Радикальные общественные изменения затрагивают основы культуры, способствуют формированию внутри нее конфликта, затрагивающего основные ценностные нормы, могут нарушить коллективную идентичность. Происходит проверка стабильности ценностной системы группы, общества.

В настоящее время западная цивилизация, претендующая на универсальность своих норм и ценностей, реализует беспрецедентную экспансию в отношении фундаментальных укладов иных цивилизаций. Этот процесс диктуется потребностями глобального рынка и в значительной степени базируется на взрывном росте транснациональных систем коммуникаций, производства, информационного обмена и иных сетевых структур. Подобное развитие событий чревато кризисом мирового масштаба, основанным на культурном и религиозном неприятии западной экспансии иными цивилизациями, проблемах взаимовлияния между универсальными и региональными факторами. Отсюда можно сделать вывод, что главным противоречием наступившего века станет, вероятно, антагонизм фундаментализма и космополитизма.

При этом многие авторитетные ученые доказывают, что маловероятно перерастание противостояния доминирующих культур условных Запада и Востока в реальную войну. По мнению У. Эко, этому препятствует предельная взаимозависимость современного мира: технологическая, энергетическая, этническая и т.д. Способность Запада физически уничтожить Восток чревата потерей нефтяных источников, что губительно для западной цивилизации в ее современном виде. Кроме того, миновали времена, когда сарадины были на одном берегу моря, а христиане на другом. Взаимопроникновение достигло беспрецедентных масштабов: подразумеваются не только миллионы мусульман в Европе, но также западные производства и христианские анклавы (например, Эфиопия) на Востоке. Большинство населения Запада не в состоянии отказаться от благ экономики процветания, снизить стандарты потребления. При этом современный ислам отнюдь не столь монолитен, как полагают многие. Еще более очевидна разрозненность христианства. Все сценарии возможных столкновений вытекают из существования глобализации, поэтому интересы и запросы конфликтующих сторон в настоящее время тесно связаны между собой «в тугой клубок, который невозможно размотать, не разорвав его. Это означает, что в эпоху глобализации вести глобальную войну невозможно, это привело бы к поражению всех» (*Эко У.*, 2001).

Кроме того, в настоящее время ряд исследователей отмечают кризис понятия «нация» как основы коллективной идентификации и развитие в качестве консоли-

дирующей основы идеи регионализма, выдвигающего европейские, американские, евразийские и другие ценности. Это проистекает из того факта, что в условиях глобализации сложно определить пределы сообщества, нации или государства. Но поскольку государство не исчерпало свои ресурсы, возникает необходимость уравновесить национальную и культурную идентичность более широкими символическими границами языка и культуры (*Алексеева Т.А.*, 2003).

Высокая динамика социокультурных изменений способствует кризису идеи нации. Многие концепции ставят под сомнение значимость фактора кровного родства как консолидирующей основы нации. С расширением глобализации понятие «нация» все более становится ментальной конструкцией. Это порождает дискуссии о детерминирующей основе цивилизационного единства, о принципах интеграции наций в цивилизации, рассматриваемых как главных субъектов будущей мировой политики. Однозначная трактовка данного понятия как культурного единства (предельно широкого, но все же единства) не в полной степени отвечает объективному существованию поликультурных цивилизаций.

В этом плане представляется перспективной концепция В. Вольнова, предлагающего в качестве определяющего признака цивилизации сознание единства исторической судьбы. Согласно его определению, цивилизация – это предельно широкое множество людей, осознающих единство своей судьбы (в кратком варианте: бытие-в-сознании-общей-судьбы, т.е. цивилизация в феноменологическом понимании). Идея цивилизации – это идея единой судьбы (*Вольнов В.В.*, 2002).

В контексте вышеизложенного невозможно не упомянуть о дискуссиях вокруг цивилизационной концепции России. Эта проблема многоаспектна, имеет обширную библиографию. Для тематики, рассматриваемой в статье, особое значение имеет не столько вопрос о цивилизационной идентификации России (это отдельный вопрос, по которому имеется значительное количество глубоких разработок: см. *Лубский А.В.*, 2005), сколько значимые элементы развития идеи цивилизации.

В частности, согласно оценке А.С. Ахиезера, Россия относится к типу промежуточной цивилизации, преодолевающей трудности перехода от традиционной к либеральной суперцивилизации (*Ахиезер А.С.*, 1997. С. 767). Положение, при котором Россия не может вернуться назад, но и не становится частью новой цивилизации, порождает ситуации смешения социокультурных элементов обеих суперцивилизаций и воспроизводит конфликтогенные факторы. Раскол культур и социальных отношений постоянно формирует предпосылки социальной дезорганизации.

С типом промежуточной цивилизации коррелируется идея пограничных цивилизаций, формирующихся на окраинах устойчиво доминирующих суперцивилизаций. Некоторые исследователи полагают, что в современном мире к пограничным относятся балканская, иберийская, турецкая, российская и латиноамериканская цивилизации (*Земсков В.Б.*, 2000. С. 96).

Представляется перспективным развитие идеи цивилизации как локально-исторической общности, системообразующими основаниями которой выступают доминантная форма интеграции, социотип развития и культурный архетип (*Лубский А.В.*, 1998. С. 6).

Подводя итог изложенному, можно констатировать, что идея цивилизационного развития является одним из наиболее динамичных направлений нынешней социально-гуманитарной мысли, образует перспективную методологическую базу для научного осмысления социокультурных, политических и иных аспектов развития современного мира.

Как отмечалось выше, главным противоречием XXI в. становится антагонизм фундаментализма и космополитизма. В этой связи особую остроту приобретает вопрос о соотношении цивилизационных и глобализационных процессов. Тенденции формирования многополярного мира предполагают новые формы межкультурного взаимодействия, в связи с чем наибольшую актуальность приобретает складывающаяся парадигма «диалога цивилизаций» в условиях глобализации (Обращение Международного комитета... 2002. С. 9–12, 16).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Т.А.*, 2003. «Реванш кочевников», или ценностное осмысление глобализации // Космополит. № 2.
- Ахизер А.С.*, 1997. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. Изд. 2-е. Новосибирск.
- Бенхабиб С.*, 2003. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.
- Вольнов В.В.*, 2002. Проблема наций в свете теории цивилизаций. <http://www.archipelag.ru/geopolitics/theory-civilization/01>.
- Гидденс Э.*, 2004. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.
- Земсков В.Б.*, 2000. Латинская Америка и Россия (Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях) // Общественные науки и современность. № 5.
- Лубский А.В.*, 1998. Введение // Древняя Русь и Московское государство. У истоков российской цивилизации. Ростов-на-Дону.
- Лубский А.В.*, 2005. Россия: проблема цивилизационной идентификации // Гуманитарный ежегодник 2. Часть 2. ИППК РГУ. Ростов-на-Дону.
- Обращение Международного комитета по сравнительному изучению цивилизаций и глобализации // Глобализм и межкультурные отношения. М., 2002.
- Сорокин П.А.*, 1996. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М.
- Тайлор Э.Б.*, 1989. Первобытная культура. М.
- Тойнби А.Дж.*, 1991. Постигание истории. М.
- Фукуяма Ф.*, 1990. Конец истории? // Вопросы философии. № 3.
- Хантингтон С.*, 1994. Столкновение цивилизаций? // Полис. № 1.
- Штомпка П.*, 2001. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. № 1.
- Эко У.*, 2001. Несколько сценариев глобальной войны // На Невском. № 11.